

ЭСТАФЕТА НАУЧНОГО ПОИСКА: НОВЫЕ ИМЕНА

Ю. И. Данилина

ПРЕСТУПНОСТЬ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ В 1918–1929 гг. (По материалам газеты «Уральский рабочий»)

Глобальные изменения — такие, как революция, распад существовавшего сотни лет государства, передел собственности, практически всегда связаны с глубокими потрясениями и крайне негативными последствиями, одним из которых является криминализация общественных отношений. В октябре 1917 г. наша страна пережила одно из серьезнейших потрясений, следствием которого явился крах традиций самодержавия.

В постреволюционной России считалось, что преступность — явление классовое, исторически преходящее, обусловленное несовершенством социальных отношений, устранение которых способствует и ликвидации преступности. Спецификой СССР в эти и последующие, вплоть до 1980-х, годы являлась подчиненность всех сфер жизнедеятельности общества интересам государства, что способствовало созданию особой атмосферы бытия советских граждан. Пожалуй, одним из основных инструментов для ее воплощения были средства массовой информации — газеты, журналы, радио.

До сих пор пресса являлась малоизученным источником, чаще всего использовавшимся исследователями-историками в качестве иллюстративного. Введение в историческую науку методов других дисциплин, например математики, позволяющих извлекать из источника скрытую информацию, значительно расширили возможности использования материалов массовой печати.

Цель данной работы — изучение преступности на Среднем Урале в постреволюционный период по материалам газеты «Уральский рабочий». В ходе исследования предполагалось решить ряд задач:

- определить информационный потенциал издания в изучении преступности в данный период;
- проследить динамику появления подобных публикаций;

- выявить элементы, которые позволяют газете воздействовать на массовое сознание тем или иным образом;
- проанализировать образ преступника и ситуацию с преступностью, которые предлагает газета.

В процессе работы было обработано 2 697 номеров «Уральского рабочего» за 1918–1928 гг. В качестве методики наряду с традиционным источниковедческим исследованием применялся контент-анализ. Этот метод представляет совокупность формализованного наблюдения и статистических процедур при анализе массовых совокупностей текстов. Их суть — в выявлении таких легко подсчитываемых признаков, черт, свойств текста (например, частота употребления определенных терминов и т. д.), которые отражали бы определенные существенные стороны содержания. Иными словами, это способ измерения качественного содержания документа, дающий возможность применения точных вычислительных операций к качественной информации. Основными аспектами этого метода являются накопление, формализация и систематизация изучаемого материала, его анализ и интерпретация.

Контент-анализ позволил сделать определенные выводы относительно особенностей освещения преступности в газетах и специфики этой проблемы как явления в указанный период. Например, проследить динамику публикаций материалов в отдельных разделах, степень заинтересованности газеты в тематике о преступности, определить, насколько часто авторы и газета вообще обращаются к тому или иному правонарушению. Выявить ряд взаимосвязей:

- между социально-демографическими характеристиками преступника и видами преступлений, что дает возможность более глубоко проанализировать их природу;
- между видами преступлений и местом их совершения, что позволяет проследить влияние местожительства (городского или негородского) населения на «предрасположенность» к тем или иным правонарушениям;
- между видом преступления и смягчающими обстоятельствами, указанными автором, откуда логично вытекает зависимость между видом преступления, смягчением приговора и отменой расстрела.

Анализ содержания также позволяет обозначить причинно-мотивационный фактор преступности, исследовать лингвистические особенности данного издания при описании преступника.

Рассмотрим табл. 1 «Распределение рубрик, содержащих материалы о преступности, по годам». Незначительное их количество в 1918 и 1919 гг. (2 и 9 соответственно) объясняется в первую очередь неполнотой источника. Так, за 1918 г. сохранились номера лишь с мая по июль, за 1919 г. — с августа по декабрь. В целом за эти и последующие годы несохранившимися оказалось 445 номеров.

**Распределение рубрик, содержащих материалы
о преступности, по годам**

Название рубрики	Годы											
	1918	1919	1920	1921	1922	1923	1924	1925	1926	1927	1928	1929
По области	4											
По Уралу	2											
По губернии		3	2									
Партийная мобилизация		1										
Партийная жизнь		2	3									
В партии коммунистов		1										
Хроника		3										
В революцион- ном трибунале		2	6									
На черную доску		2	12	1								
Среди молодежи		1	3									
Голоса читателей		1	1	1								
Борьба с дезер- тизмом			2									
С кем борется ЧК			15	1								
Враги народа			2									
Народный суд				1								
По городу				2	2							
Екатеринбург- ская хроника					1							
Пролетарский суд			15	22	38	36	68					
Суд								35	49	30	47	74
Происшествия				1	9	18	36	39	51	45		
Что случилось за день											33	76
Статьи вне рубрик				5	7	1	4	8	1	3		6
ИТОГО	6	18	61	34	57	55	108	82	101	78	80	156

* Здесь и далее в статье таблицы составлены в результате обработки материалов газеты «Уральский рабочий» за 1918–1929 гг.

Наиболее активно внимание к преступности начинает уделяться с 1920 г. (10 рубрик), когда появляются такие рубрики, как «С кем борется ЧК» и «Пролетарский суд». С 1921 г. появляется раздел «Происшествия» (с 1928 г. «Что случилось за день»), печатающийся регулярно. Именно с

этого времени материалы о преступности стабильно выходят в двух последних рубриках.

Публикации, не вошедшие ни в одну из рубрик (их 35), частично представляют собой статистические отчеты о работе правоохранительных органов по борьбе с преступностью за определенный промежуток времени (как правило, это 1–3 месяца) и в свою очередь, делятся на 2 группы. В первой статистика дается по видам преступлений, во второй — по месту, т.е. по самому Екатеринбургу, по уездам, по губернии в целом. Публикуемые данные включают количество зарегистрированных преступлений и процент раскрытых¹, количество задержанных преступников², количество осужденных³ и т. д. Однако несистематичность, разрозненность данных, когда практически нет статистических сведений, представленных по одной схеме, когда отсутствует регулярность, периодичность таких сводок, — все это не позволяет провести их качественный анализ. Таким образом, невозможно проследить ситуацию с преступностью в динамике; предлагаемая газетой статистика дает читателю возможность составить свое мнение по данной проблеме отрывочно, лишь по отдельным, каждый раз новым аспектам и в различные промежутки времени.

В результате создается следующая картина: аудитория, с одной стороны, не имеет четких сведений, поддающихся какому-либо анализу; с другой стороны, у нее складывается впечатление о том, что советская милиция бережет покой граждан, а советская газета информирует об этом. Другая часть публикаций носит характер рассуждений по поводу причин возникновения тех или иных преступлений, а главное, о возможных мерах по борьбе с ними, в основном силами населения. «Универсальным рецептом», например, против уличных происшествий, хулиганства, является, по мнению авторов статей, организация «рабочих добровольных дружин»⁴. Вообще «коллективный метод» борьбы с преступностью был весьма и весьма популярен и пропагандировался по отношению ко многим правонарушениям. Например, наряду с «углублением работы бирж труда» называлась «организация трудколлективов, привлечение комитетов крестьянских обществ взаимопомощи по борьбе с проституцией»⁵. Это тем более примечательно, что, по сведениям исследователей, в это время происходило становление и развитие организационных структур, ответственных за выработку и осуществление государственной политики предупреждения проституции и борьбы с ней. Так, в конце 1919 г. при венерологической секции Народного комиссариата здравоохранения была образована Комиссия по борьбе с проституцией, деятельность которой, прекратившись в начале 1922 г., в дальнейшем осуществлялась Центральным советом по борьбе с проституцией⁶.

Таким образом, налицо стремление прессы привлечь внимание читателей к этой и многим другим проблемам. Все вышеуказанное позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, несмотря на ряд недостатков в подаче криминальной статистики, газета все же пыталась информировать читателя о состоянии преступности в городе и области. Во-вторых, призывы к населению о борьбе с преступностью свидетельствуют об актуальности данной проблемы.

Вернемся к табл. 1. Начиная с 1920 года общее количество появления рубрик и отдельных материалов за год значительно увеличивается и, варьируясь в разные годы от 34 до 57, от 55 до 78—80, от 80 до 100, что во многом объясняется неполнотой источника, своего максимума в изучаемый период достигает в 1929 г. — 156. Этот год действительно уникален в своем роде: начиная с 1930г. частота появления как самостоятельных материалов, так и рубрик значительно сокращается. Так, в 1930 г. она составила 31, в 1931 г. — 12, и в 1932 — 7⁷. 1929 год вошел в историю нашей страны как год «великого перелома», и колоссальные изменения в различных сферах жизнедеятельности (коллективизация, индустриализация), судя по всему, затронули и деятельность печатных органов. Выразилось это прежде всего в ужесточении цензуры. Долгое время летоисчисление советской цензуры брало свое начало с 6 июня 1922 г. — даты организации Главлита, хотя, безусловно, первым документом, устанавливающим политическую цензуру новой власти, стал Декрет о печати от 10 ноября 1917 г.⁸ По словам отечественных исследователей, подробное изучение документов Госиздата свидетельствует о том, что начиная с 1919 г. он осуществлял государственную политику в отношении идеологической направленности общественной, научной и художественной литературы⁹. Один из документов Главлита гласит: «Товарищи! В настоящее время большое значение приобретает печатное слово, одновременно являющееся могучим средством воздействия на построение разных групп населения Республики, как в наших руках, так и в руках наших противников... Цензура является для нас орудием противодействия растлевающему влиянию буржуазной идеологии...»¹⁰. Так, из инструкции Главлита его местным органам от 6 июня 1922 г. следует, что «...цензура печатных произведений заключается: а) в недопущении к печати сведений, не подлежащих оглашению... д) в изъятии из статей наиболее острых мест (фактов, цифр), компрометирующих Советскую власть...»¹¹. (Возможно, еще и этим объясняется неполнота приводимых статистических данных по преступности). А уже в августе 1930 г. под грифом «секретно» выходит «Краткая инструкция — перечень по охране государственных тайн в печати для районных органов Главлита», из которой следует: «...не разрешается оглашать в печати сведений о секретных методах борьбы с уголовным и преступным элементом. Сообщения о бандитских и контррево-

люционных налетах на государственные учреждения и о нападениях на отдельных лиц можно опубликовать в печати лишь с разрешения органов ОГПУ... а также сводные данные о количестве террористических актов кулачества (число убийств, поджогов и др.). Отдельные факты опубликовать можно...»¹², при этом предписывалось «...тут же указывать на те мероприятия по советской и общественной линии, которые проводятся в связи с этим, и все это должно сопровождаться классовым объяснением... (убийство произведено в разгаре классовой борьбы с кулаками ... и т. п.)»¹³. Также «...не разрешается оглашать в печати сведения о преступлениях, находящихся в процессе дознания и следствия ... материалы розыскного и следственного производства... Опубликовывая сведения ... необходимо в каждом отдельном случае согласовывать этот вопрос с органами ОГПУ, дабы ни в коем случае не помешать оперативной работе последнего».

В связи с этим не удивительно резкое снижение сообщений о преступности после 1929 г., особенно это касается рубрики «Что случилось за день», носящей оперативный информативный характер, в которой в подавляющем большинстве всегда печатались сведения в процессе следствия. Таким образом, налицо вмешательство государства в деятельность газеты.

Очень важным является определение приоритетов издания в освещении тех или иных видов преступности. Табл. 2 «Распределение видов преступлений по годам» отражает данный вопрос в целом по всем рубрикам.

Обратим внимание на строку «Контрреволюционная деятельность». В СССР контрреволюционные преступления рассматривались в качестве политических преступлений. Их криминализация предполагала защиту «единственно верной идеологии» путем уголовных репрессий. 19 ноября 1917 г. Наркомат юстиции (НКЮ) издал подробную инструкцию «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения их заседаний», заменившую уголовный и уголовно-процессуальный кодексы¹⁴. В ней говорилось: «...меру наказания революционный трибунал устанавливает, руководствуясь обстоятельствами дела и велениями революционной совести», а не законами, подтверждая тем самым слова Ленина о том, что «...этично все, что служит укреплению и завершению коммунизма»¹⁵. Декрет СНК от 28 ноября 1917 г. «Об аресте вождей гражданской войны против революции» официально вводит термин «враг народа»¹⁶. Постановлением СНК от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре» вводятся термины «террор», «концлагеря»¹⁷. Все это положило начало практике подмены репрессивными органами законодательных учреждений и издания важнейших правовых норм в виде закрытых ведомственных актов и решений. Однако определения понятия «контрреволюционные преступления» вплоть до 1922 г. не существовало¹⁸.

Таблица 2

Распределение видов преступлений по годам

Вид преступления	Годы												
	1918	1919	1920	1921	1922	1923	1924	1925	1926	1927	1928	1929	Итого
Контрреволюция	4	12	42	6	3	3	8	4	2	1	1	1	87
Бандитизм					8	2	13	10	4	3	3	3	46
Уклонение от продналог.				1	3								4
Нарушение КЗоТа						1	3	4		2	2	3	15
Неисполнение распоряжений			3	2									5
Спекуляция	1	1	4	2	1	1	1	2	1	4	4	4	27
Самооголовождение					2	8	6	3					19
Дезертирство		5	20	1	1	2							30
Укрывательство дезертиров			4	2									6
Трудовое дезертирство			19	5	1	1	1						27
Хищение народного достояния	2	3	7	5	15	3	9	6	2	3	2	5	62
Должностные преступления			5	2	17	5	7	21	13	15	4	5	94
Превышение властных полномочий			1	1		1	5	1	2	2	1	3	17
Убийства	1		3		10	42	46	30	14	5	13	30	194
Кражи							30	37	93	80	65	73	381
Вооруж. ограбления	1		3	1	7	10			11		2	13	48
Мошенничество				2	3	1	7	11	5	7	7	6	73
Конокрадовство				3		9	8	1					24
Хулиганство	1	1	2					4	29	13	2	5	57
Изнасилования		4	1	1	3	1	9	4	3	2	3	2	33
Содержание притонов						2	5	3	1	1			12
Покушение на убийство								6	1	2	2	3	14
Заражение вензаболеваниями							1	1	1		1		4
Нанесение тел. повреждений							2	5	3	3	5	7	27
Незаконные аборты									3		1	1	5
Попытка изнасилования										1	1	1	3

Детоубийство								2	1		2	5
Растление малолетних								2	1	1		4
Дискредитация сов. власти		2	1									3
Нарушение правил торговли									1			1

Таким образом, до принятия в 1922 г. первого УК РСФСР основным критерием для преследования так называемых контрреволюционеров было «революционное правосознание»; определение врагов в каждом отдельном случае осуществлялось конкретным «борцом за социализм». Судя по табл. 2, максимальная нагрузка в интересующей нас строке приходится на 1920 г. — 42 случая. Это год окончания гражданской войны на большей части территории страны, когда борьба с контрреволюцией как оппозицией большевикам была чрезвычайно активна. Любопытен факт, что такие материалы появляются в газете вплоть до конца изучаемого периода: в 1928–1929 гг. — 1 случай, причем как сами события, так и их судебные разбирательства относятся, как правило, к годам Гражданской войны, т.е. публикации к концу 20-х гг. носят ретроспективный характер. Именно этот факт дает право сделать вывод о наличии определенного идеологического подтекста, поскольку напоминания о Гражданской войне, ее жертвах, кровавых последствиях являются наиболее эффективными в плане поддержания массового сознания в просоветском русле. Спектр контрреволюционных преступлений, представленных в материалах газеты, ограничивается в основном двумя видами: это антисоветская пропаганда — понятие весьма расплывчатое, поскольку, судя по публикациям, любое неосторожное слово могло быть расценено как «лозунг контрреволюции»¹⁹; второй вид — это участие в белогвардейском движении²⁰. При всем при этом следует отметить, что в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. присутствовало 17 «контрреволюционных» статей²¹. Данное обстоятельство говорит о возможности двух вариантов: либо в газетах целенаправленно освещались определенные статьи УК, либо в реальности преступники привлекались в основном по ним. Ситуация во многом упростилась, когда в 1926 г. был принят новый УК, в котором конкретно к контрреволюционерам применялась печально известная 58-я статья, состоящая из 18 подпунктов. В ней под контрреволюционной деятельностью понималось «...всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти...»²². В связи с этим в статье достаточно было упомянуть: «по статье 58 УК», не вдаваясь в подробности²³.

Таким образом, по материалам «Уральского рабочего» прослеживается тесная взаимосвязь освещения «контрреволюционных» преступлений с исторической ситуацией в стране. Существует подобная связь и в отношении таких статей, как «дезертирство», «укрывательство дезертиров», они чаще всего отмечаются 1919–1921 гг., годами Гражданской войны. После ее окончания по объективным причинам подобные факты практически перестают освещаться.

Достаточно близко к ним стоит «спекуляция» — острейшая проблема того времени. Уточним, что «спекулянт» в 20-е гг. назывался человек, совершавший любой обмен или любую продажу. Чаще всего спекулянтами оказывались представители буржуазных слоев, интеллигенции, «пытавшиеся обменять еще не разграбленные остатки своего имущества на продукты питания или дрова»²⁴. К этой же категории относились и так называемые «мешочники». Эти люди осуществляли снабжение сельского населения и жителей городов продовольствием, а крестьян, производивших хлеб, — промышленными товарами. В основном данную проблему рассматривали в контексте проблем экономической, прежде всего продовольственной, политики советской власти. Предпосылками распространения этого явления признавали неудачи продовольственной политики, наступление государства на частную торговлю, катастрофическое падение уровня жизни. И хотя указывалось на «коррупционность мешочнического рынка», но не отрицалось его значение для спасения людей от голодной смерти. В конце 1920-х гг. взгляд на мешочников изменился: их стали называть «уголовниками и контрреволюционерами», их деятельность была признана вредной и опасной, поскольку это была действенная конкуренция государству. Война мешочникам была объявлена в 1918 г., когда в мае на заседании ВЦИК, а в июле на V Всероссийском съезде Советов суровость мер по отношению к ним была одобрена: «только путем беспощадной борьбы с тучами спекулянтов-мешочников идет и может идти рабоче-крестьянская республика». Политика советской власти в их отношении в 1919 – начале 1920 гг. напоминала маятник: то усиливались гонения, расширялись полномочия заградотрядов (как одного из средств борьбы), то — в периоды обострений продовольственного кризиса — допускалось самоснабжение населения²⁵. Мешочничество сошло на нет к середине 1920-х гг., когда развились более совершенные формы товарообмена между городом и деревней. Однако в дальнейшем, в периоды обострения экономических трудностей, в стране вновь возрождалось мешочничество как основной вид спекуляции, но «никогда оно не приобретало таких масштабов и многообразия форм, как на этапе гражданской войны и при переходе к НЭПу»²⁶.

Как бы то ни было, спекуляция довольно равномерно с невысокой частотой (см. табл. 2) освещалась в газете в изучаемый период. Макси-

мумы ее появления приходится на 1920 г. и 1927—1929 гг. — по четыре публикации.

«Нарушения КЗоТ» появляются в «Уральском рабочем» с 1923 г. (т.е. практически с начала НЭПа), а наибольшее количество таких материалов приходится на 1925 г., когда наблюдается частичный отход от НЭПа и появление негативных оценок частных предпринимателей представляется вполне объективным. Во всех абсолютно случаях данные сообщения связаны с незаконным использованием детской и женской рабочей силы и неоплатой сверхурочных владельцами частных мастерских и некоторыми другими учреждениями, использующими незнание населением КЗоТа²⁷. Едва ли правомерно утверждать, что до 1923 г. таких преступлений не было. Логичнее было бы связать появление в публикациях презрительного ярлыка «нэпач» с изменяющейся политикой государства.

Такой вид проступков как уклонение от продналога, встречается в газете всего 4 раза: в 1921 г. — 1, в 1922 г. — 3. Хотя, по свидетельствам А.Ю. Давыдова, это было вполне «обычной практикой в те годы»²⁸. Судя по всему, первоначально с введением продналога в 1921 г. важно было указывать на «несознательных» как недостойных подражания; в дальнейшем же, возможно, принципиальным стало умалчивать о таких случаях, дабы не волновать общественность. По мнению же исследователей, хотя продналог и был легче продразверстки, но недовольные все же были²⁹.

Аналогичным образом можно объяснить схему появления статей о неисполнении распоряжений Советских органов (их всего 5): в 1920 г. — 3, в 1921 г. — 2. Подобная информация не могла положительным образом сказаться на образе советской власти, поэтому и перестала публиковаться.

Любопытным совпадением является прекращение материалов о самогоноварении, которое совпадает с отменой «сухого закона» в 1925 г. Пьянство оставалось, пожалуй, самой распространенной формой нарушений норм обычной жизни. Сначала советская власть сохраняла традицию отрицательного отношения к нему. Продажа алкогольных напитков была запрещена в России еще в Первую мировую войну. В декабре 1919 г. декретом СНК «О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ» их производство было национализировано, прибыль от продажи поступала государству. Тот же декрет предусматривал «меры борьбы с пьянством, но они никогда реально не выполнялись», особенно в годы Гражданской войны³⁰. Некоторые руководители Советского государства в первые годы после революции не могли себе представить, что злоупотребление спиртными напитками — живучий порок. В.И. Ленин серьезно считал, что пролетариат вообще «не нуждается в опьянении, которое оглушало бы его или возбуждало. Ему не нужно ни опьянения половой несдержанностью, ни опьянения алкоголем»³¹. По-

добные установки делали излишней «систематическую антиалкогольную пропаганду, рассматривавшуюся к тому же как пережиток буржуазного общества»³². Возможно, именно поэтому в 1918–1921 гг. в газете отсутствовали заметки о самогоноварении. В дальнейшем их публикация прекращается после 1925 г., поскольку продажа водки официально была разрешена и стала «существенным дополнительным внутренним финансовым источником осуществления форсированной индустриализации»³³. Это также предполагало отсутствие самогонщиков.

Как уже отмечалось, советские газеты отличались массовой лозунговостью, что было применимо буквально ко всем сферам общественной жизни. Нередким был факт переноса выражений и отдельных слов, приписанных одним понятиям и явлениям, на другие. Например, трудовое дезертирство, которое чуть ли не приравнивалось к военному дезертирству, поскольку послевоенные условия требовали максимальных усилий со стороны трудоспособного населения для преодоления разрухи, восстановления хозяйства страны. С середины 1920-х гг., когда постепенно налаживалась экономика страны, острая необходимость в лозунгах типа «Долой дезертиров трудового фронта!» отпала. Эта ситуация отразилась и на страницах газеты. Пик таких публикаций приходится на 1920 г. — 19 случаев, в 1921 г. — 5, а с 1922–1923 материалы о трудовом дезертирстве перестают быть актуальными и постепенно исчезают.

Остальные виды преступления в связи с их спецификой выделим в отдельную группу, т.к. они представляют некую типичную криминальную структуру, характерную для страны. Такие преступления имеют место всегда, а в зависимости от конкретных исторических условий их может быть больше или меньше. К данным видам правонарушений мы отнесем бандитизм, убийства, кражи, хулиганства, должностные преступления и пр. (см. табл. 2).

Большая часть заметок по этой группе правонарушений относится в основном к рубрике «Происшествия», носящей, как отмечалось, сугубо информативный характер. Какие-либо глубинные причины их не объясняются. Логично, однако, предположить, что большее или меньшее количество подобных преступлений взаимосвязано с внутренним положением в стране. Так, историки, например Б.Н. Мironов, выявили некую зависимость между ростом преступности и внутренней политикой государства. Чем жестче был император, чем тверже проводилась эта политика, тем ниже была преступность, и наоборот, поскольку жесткий курс сопровождался не только усилением репрессий против нарушителей закона, но и повышением контроля за поведением подданных со стороны государства³⁴. Данная закономерность вполне приложима к первому десятилетию советской власти. Н.Б. Лебина, например, говорит о том, что хулиганство и бандитизм в период Гражданской войны имели тенденцию к сниже-

нию, т. к. в стране действовал «военно-коммунистический порядок», к тому же лица, склонные к противоправным действиям, «сублимировали в сторону революции или контрреволюции», с возвращением же к мирной жизни волна этих негативных явлений резко возросла³⁵.

Таким образом, стабильное появление подобных сообщений на страницах «Уральского рабочего» можно объяснить не только возникновением постоянных криминальных рубрик, но и ситуацией в стране. Но было бы неверным утверждать, что газета адекватно отражает реальный рост или снижение преступности по отдельным видам в разные годы, поскольку, во-первых, не в этом ее прямая функция, а во-вторых, многое зависит от ряда как объективных (неполнота данного источника; нехватка информации, места в газете), так и субъективных факторов (политическая конъюнктура, например, или интерес к другим сферам и т. д.). Подтверждением этого вывода являются официальные материалы о состоянии преступности на Урале с 1921 по 1924 гг., которые свидетельствуют о ее «ежегодном понижении»³⁶.

Таблица 3 составлена по материалам раздела «Происшествия» («Что случилось за день»). Такое выделение представляется необходимым ввиду значительного числа статей в указанной рубрике, посвященных отдельным видам преступлений. Из таблицы 2 «Распределение видов преступлений по годам» следует, что лидирующие позиции занимают в порядке убывания: кражи — 381 случай, убийства — 194, должностные преступления — 94, контрреволюционная деятельность — 87, мошенничества — 73, хищения народного достояния — 62 и т. д. Значения табл. 3 позволяют, исключив раздел «Происшествия», получить следующую картину: контрреволюционная деятельность — 87, должностные преступления — 72, убийства — 64, хищения — 58, бандитизм — 33, мошенничества — 32 и т. д., кражи лишь на 12 месте — 15 случаев.

Из этого можно сделать вывод об ориентированности данной рубрики на бытовые преступления, которые в меньшей степени требуют каких-то особых разъяснений, за исключением, пожалуй, убийств, доля которых велика в обеих таблицах. Для рубрики «Происшествия» характерен определенный набор описываемых преступлений, состоящий примерно из 10–11 видов: это кражи — 366, убийства — 130, мошенничества — 41 и т. д. Контрреволюционная деятельность отсутствует, впрочем, как и ряд других преступлений. Это объясняется прежде всего спецификой рубрики: она сообщает лишь о факте происшествия, иные подробности, как правило, опускаются. В рубрике публикуется оперативная информация (события, в основном носят характер 2–3-дневной давности).

Таблица 3

**Распределение видов преступлений в рубриках
«Происшествия» и «Что случилось за день» по годам**

Вид преступления	Годы												
	1918	1919	1920	1921	1922	1923	1924	1925	1926	1927	1928	1929	Итого
Бандитизм							6	3		2		2	13
Спекуляция										3	1	2	6
Самооговорение						7	4	2					13
Хищение народного достояния							3	1					4
Должностное преступление					5		1	5	6	5			22
Убийство					5	34	29	16	12		7	27	130
Кража							28	32	92	80	64	70	366
Вооруж. ограбление					4	7			10			10	35
Мошенничество						1	5	1	14	2	7	5	41
Конокраство				1			5	8					14
Хулиганство									24	10			34
Изнасилование					2		1	1	1		2	4	11
Содержание притонов						2		1					3
Покушение на убийство							1			1			2
Заражение вензаболеванием													
Нанесение телесных повреждений							2						2

Таким образом, эта рубрика предназначена для констатации фактов, а не их анализа. Именно поэтому мы выделяем ее и, начиная с таблицы 4, учитывать не будем, поскольку необходимой дополнительной информации она не несет.

Для анализа преступности как явления важным представляется социально-демографический портрет преступника, который предполагает наличие таких характеристик, как пол, возраст, социально-классовая принадлежность, национальность, образование и т. д. Данный источник дает такую информацию в незначительном объеме, разрозненно, часто автор статьи ограничивается сведениями о профессии или должности³⁷; возрастные показатели если представлены, то как «подростки», «молодежь»³⁸, пожилой возраст указывался лишь как обстоятельство для смягчения приговора всего 3 раза.

Такие характеристики отражены в таблице «Распределение преступлений по социально-демографическим характеристикам преступников» (табл. 4). Некоторые из них сгруппированы по обобщающему принципу:

например, «крестьяне», «рабочие», «служащие»; в других случаях сохранена формулировка, которую дает газета: «неработающие», «сотрудники ГубЧК» и др. В связи со спецификой ряда преступлений в отдельную группу выделены женщины, т.к. в остальных случаях виновными являются мужчины.

Таблица отражает только представленные в источнике данные и позволяет рассмотреть взаимосвязь между социальным статусом преступника и видом преступления. Во многом она является показательной, четко иллюстрируя связь в ряде близких по статусу категорий с видами преступления.

Например, служащие госучреждений и административно-управленческого аппарата, судя по сообщениям, чаще других совершали должностные преступления (21 и 29), а также хищение народного достояния (15 и 10 соответственно). Это вполне объяснимо: в самом деле, не крестьяне же брали взятки и совершали растраты? За контрреволюционную деятельность чаще привлекались бывшие офицеры Белой армии — 11 случаев, служители религиозного культа — 7, в основном за антисоветскую пропаганду, а также служащие Красной армии (комсостав и рядовые) — 7, руководство советских органов — 4 и т. д. Контрреволюционная деятельность — единственный вид преступления, кроме убийств, где присутствуют представители практически всех социальных категорий. Во-первых, по мнению исследователей, значительная масса привлекаемых за контрреволюционную деятельность не только не совершала никаких уголовно наказуемых действий, но и не обнаруживала своего негативного отношения к власти³⁹. «Они попадали под каток политических репрессий из-за социального происхождения, религиозного сана, принадлежности к конкурирующим партиям и т.д.»⁴⁰. Во-вторых, ученые говорят о том, что советское правительство «никогда не претендовало на то, что арестовывает своих граждан за совершенные ими преступления. Репрессии были уже не столько карательными мерами, сколько профилактическими, причем распространялись не только на выходцев из буржуазных слоев общества, а на рядовых его членов и своих»⁴¹. Рабочие занимают ведущие позиции в преступлениях, связанных с физическим ущербом: убийства — 16 случаев (здесь также значительна доля рецидивистов — 6), нанесение телесных повреждений — 16. Во многом это связано с низким уровнем образования и культуры. Сама власть стремилась объяснить «неподобающее поведение трудящихся их темнотой и происками контрреволюционных сил»⁴². При этом не принималось во внимание внутреннее положение в стране⁴³; рост безработицы в отдельные годы, как правило, отражался на уровне преступности.

Распределение преступлений по социально-демографическому статусу преступников

[illegible]

Нарушения КЗоТа отмечены, что вполне логично, со стороны владельцев мелких частных предприятий — 10 и административно-управленческого аппарата — 3, т.е. со стороны работодателей.

Кражи, судя по сообщениям, чаще совершались молодежью — 13, рабочими и красноармейцами — по 3 случая. Для первой категории, особенно в годы НЭПа, характерно отсутствие работы⁴⁴, неграмотность, беспризорность, для последних двух мотивами преступлений могли быть низкая зарплата⁴⁵ и скудный паек соответственно.

Превышение власти характерно для административного аппарата — 5 и работников милиции — 8, что вполне объективно, поскольку принадлежность к верхушке аппарата управления и силовым структурам, близость к власти и открывающиеся при этом возможности накладывают определенный отпечаток на личность и толкают на преступление.

Женщины судились за проведение незаконных абортов — 4 и детоубийство — 3. В первом случае женщин-врачей на преступление подвигло стремление «заработать больше»⁴⁶, а во втором — низкий духовный и «культурный уровень», боязнь предрассудков, т.к. часто отцы отказывались от детей, а также «тяжелое материальное положение и связанные с этим трудности воспитания ребенка»⁴⁷.

Подведем итоги. Чаще всего в газете в качестве виновных указывались рабочие — 51 (16,5%), административно-управленческий аппарат — 47 (15,21%), служащие — 40 (12,94%), молодежь — 25 (8,09%), руководство парторганизаций — 14 (4,53%), бывшие офицеры Белой армии и красноармейцы — по 13 (4,21%), работники милиции — 18 (5,83%). Это объясняется частотой освещения конкретных преступлений. В целом чаще указывался такой вид преступления, как «кражи», — 381, при этом характеристики преступника указывались в 27 случаях и т. д. Можно сделать вывод о том, что больше всего внимания газета при освещении преступности уделяла не социальному статусу преступника вообще, а информированию о совершенных видах проступков. Если же указывалось социальное положение виновного, то предпочтение объективно отдавалось рабочим как «господствующему классу» в отношении насильственных преступлений. Управленцы, служащие, партработники и красноармейцы также указывались достаточно часто, что поддерживало политику государства в борьбе за «чистоту» кадров, имевшую волнообразный характер на протяжении 20-х гг. (различные «чистки», «дела» и т.д.)⁴⁸.

Рассмотрим проблему преступности в связи с местом совершения преступления, соотношение преступлений городского и негородского населения по восьми видам правонарушений (табл. 5).

Распределение преступлений по месту совершения

Вид преступления	Место совершения преступления					
	Город	Село	Деревня	Завод	Ж/д станция	Военная часть
Убийство	25	9	7	6		
Нанесение телесных повреждений	6	4		1		
Хищение	8			3	13	9
Должностное преступление	29	2	1	3	10	1
Мошенничество	16			1	1	1
Кража	10	1			1	3
Нарушение КЗоТ	8			1		
Изнасилование	3	1	3	1		
Итого	105	17	11	16	25	14
%	55,85	9,04	5,85	8,51	13,30	7,45

К негородскому населению мы также отнесли и «заводы» — небольшие населенные пункты, возникавшие вокруг промышленных предприятий, другими словами — рабочие поселки. Железнодорожные станции и воинские части рассматриваются отдельно, в связи с их обособленным расположением

В большинстве случаев наблюдается преобладание городских преступлений. Так, должностные преступления чаще всего случаются в городе — 29. Аналогично объясняется и более частые нарушения КЗоТа — 8, т. к. многие частные предприятия, мастерские находились именно там. Для города также характерно наличие мест значительного скопления людей: это рынки, вокзалы, которые являются очагами мошенничества, аферизма, — 16, а также карманных краж — 4 из 10 (остальные — квартирные).

На долю всего негородского населения приходится значительное количество убийств — 22 (в городе — 25), нанесения телесных повреждений — 5 (в городе — 6), изнасилований — 5 (3).

На железнодорожных станциях в связи с близостью к железнодорожным составам с продовольствием, ширпотребом и т. д. велик уровень хищений — 13, как, впрочем, и в военных частях, — 5, где недостаток продовольствия и обмундирования зачастую компенсировался за счет казенных складов⁴⁹.

Таким образом, с одной стороны, в силу объективной причины, а именно статуса газеты как областной, основное внимание уделяется городской преступности (55,85%). С другой стороны, в отдельных случаях издание акцентировало внимание на преступности в других населенных пунктах (особенно — на железнодорожных станциях).

Важным при изучении преступности является анализ причин и мотивов преступлений, о которых говорится в газетных публикациях (табл. 6). В таблице представлены только два вида преступлений: убийства и нанесение телесных повреждений, — они наиболее часто появляются в газете. В большинстве случаев явная причина отсутствует — 66, среди них 37 совершено в состоянии алкогольного опьянения, в остальных 29 случаях причина не указывалась; значительная доля приходится на совершение преступлений с целью ограбления — 15, из чувства мести — 14 и ревности — 11.

Таблица 6

Распределения преступлений по причинам, указанным в статьях

Вид преступления	Явная причина отсутствует		Причина/мотив						
	Пьянство	Другое	Хулиганство	Ревность	С целью ограбления	Месть	Самооборона	Угроза перед судом	Голод
Убийство	22	20	6	9	15	13	2	4	1
Нанесение телесных повреждений	15	9	2	2		1		1	
Итого	37	29	8	11	15	14	2	5	1
%	30,33	23,77	6,56	9,02	12,29	11,48	1,64	4,1	0,82

Таким образом, налицо интерес газеты к так называемым бытовым преступлениям, совершенным в пьяном виде, что воспринимается как некая антиалкогольная кампания. Это тем более важно, что, по оценкам специалистов, алкоголь и насилие тесным образом связаны между собой: под влиянием алкогольного опьянения совершается до 50% всех изнасилований, до 72% вооруженных нападений и до 86% убийств⁵⁰.

В процессе судопроизводства для вынесения окончательного приговора наряду с деталями преступления рассматривались и смягчающие вину обстоятельства. Особенности и специфику их применения в зависимости от вида преступления, а также, как результат, смягчение приговора раскрывает таблица 7 «Распределение преступлений по смягчающим обстоятельствам и пересмотру приговора», причем перечисленные в ней смягчающие обстоятельства в каждом конкретном случае лишь указывались в газете, но это необязательно вело к реальному изменению наказания.

Наиболее часто упоминалась в этом случае амнистия в честь очередной годовщины Октябрьской революции — 50 случаев. Амнистии перестают быть редким явлением с 1919 г. Все они носили политический характер и никогда не распространялись только на уголовных преступников⁵¹.

**Распределение преступлений по смягчающим обстоятельствам
и пересмотру приговора**

Вид преступления	Причины пересмотра приговора												
	Амнистия	Происхождение	Участие в Кр. армии	Воз- раст		Матер. положение	Низк. культ. уровень	Расказание	1-я судимость	Другое	Итого	Отмена расстрела	Смягчение приговора
				м	п								
Контррев. деятельность	4	5	4		1	1	1	1			17	1	
Убийство	14	6	1	2			3		2	2	30	3	15
Нанесение телес- ных повреждений		2									2		
Хулиганство	4		1								5		
Бандитизм	2	1		1		1	1		1		7	1	3
Должностное преступление	10										9	3	6
Хищение	18		1	1		3	1	5	3	2	16	1	8
Кража	3			1	2		1				7		
Мошенничество	3						1	1			5		
Спекуляция					2					1	3		1
Изнасилование	2	2		1		1	3		2	1	12		4
Итого	50	16	7	6	5	6	11	7	8	6		8	37

Иными весомыми аргументами для смягчения приговора были: происхождение — 16, низкий уровень развития — 8, возраст (причем предпочтение отдавалось молодым) и материальное положение — по 6. Амнистии и учет социального происхождения преступника свидетельствуют о преобладании политических, идеологических факторов над всеми остальными. Важно было показать лояльность, снисходительность советской власти к преступникам. Как бы то ни было, чаще всего амнистия, как и другие факторы в газете упоминались в связи с уголовными преступлениями и вели к смягчению приговора именно по отношению к уголовникам: убийства — 30 случаев, хищения — 16, изнасилования — 12, всего — 96. Что касается контрреволюционной деятельности, то, несмотря на упоминание смягчающих обстоятельств в 17 случаях, реально отмена расстрела и замена более мягким наказанием произошла лишь один раз.

Рассмотрим таблицу 8, которая показывает соотношение расстрелов и полного оправдания⁵² по видам преступлений. Максимальное количество расстрелов приходится на контрреволюционеров — 23 случая. 17 января 1920 г. ВЦИК и СНК объявили об отмене смертной казни (расстрела). Но, как говорят исследователи, «так только казалось. Об отмене смертной казни всерьез никто и не думал. Правительство лишь надеялось

извлечь некоторые временные пропагандистские выгоды...»⁵³. Следует также добавить, что в УК РСФСР 1922 и 1926 гг. было соответственно 27 и 46 «расстрельных» статей⁵⁴.

Таблица 8

**Соотношение расстрелов и оправдательных приговоров
по видам преступлений**

Вид преступления	Приговор	
	Расстрел	Оправдание (полное)
Контрреволюционная деятельность	23	2
Убийство	5	2
Бандитизм	11	1
Должностное преступление	7	11
Хищение	4	3
Кража	4	
Мошенничество	3	
Изнасилование	1	
Итого	58	19
%	75,32	24,68

Среди уголовных преступлений максимальное количество расстрелов относится к бандитизму (см. табл. 8), который «согласно УК РСФСР считался одним из наиболее тяжких преступлений и входил в число государственных правонарушений»⁵⁵. Таким образом, наиболее опасные с точки зрения государства преступления наказывались с максимальной жесткостью. Что касается оправданий, то они не были очень частыми — 19 (24,68 %) и скорее всего применялись в пропагандистских целях.

Как уже отмечалось, при работе с прессой важно учитывать в первую очередь психоэмоциональное, влияние отдельных слов и выражений на настроение массовой аудитории, ее отношение к тому или иному явлению.

Исследования лингвистов показывают, что социально-политические изменения в советские годы оказали значительное влияние на язык прессы⁵⁶. Декрет о печати, подписанный В.И. Лениным 9 ноября 1917 г., положил начало формированию однопартийной системы прессы. Газеты и журналы делились на руководящие (для партийного актива) и массовые (для широких слоев населения)⁵⁷. К последнему типу мы относили и «Уральский рабочий».

«Четкая классовая оценка, эмоциональные разговорные заголовки, набранные крупным шрифтом, — таковы особенности стиля газет для массового читателя»⁵⁸ в 20-е гг. Императивность и декларирование лозунгов, а также однотипность структуры заголовков, их краткость и раскрытие содержания статьи характерны и для «Уральского рабочего» этих лет. Например, «Дело о хищении народного достояния»⁵⁹, «Железнодоро-

рожные грабители»⁶⁰ и даже с подробностями о сроке: «За взятку — 2 года»⁶¹. Уже из заглавия читатель узнавал суть публикации и при желании мог не читать сам материал. Чтобы как-то заинтересовать аудиторию, использовался эмоциональный нажим, который ярко проявлялся в лозунгах, направленных на вызов душевного возмущения читателя, особенно это относится к статьям о контрреволюции, например: «Помогали разрухе»⁶², «Дело палача рабочих Попова»⁶³ и т. д. Наряду с заголовками особый интерес представляет изучение отдельных слов-эпитетов, прилагаемых к преступникам, помимо наиболее часто встречающихся официальных «гражданин», «гражданка».

Рассмотрим таблицу 9 о лексических характеристиках преступников по видам преступлений.

Таблица 9

Лексические характеристики преступников по видам преступлений

Преступление	Лексика	Частота
Контррев. деятельность	<i>Палач</i>	6
	<i>Предатель</i>	3
	<i>Подстрекатель</i>	2
	<i>Нэпман</i>	1
	<i>Варвары</i>	1
	<i>Звери</i>	1
	<i>Отечественные и мировые хищники</i>	2
	<i>Мятежники</i>	1
	<i>Паришная овца</i>	2
	<i>Шкурник</i>	3
	<i>Саботажник</i>	1
	<i>Изменник революции</i>	1
	<i>Паразит</i>	3
	<i>Контрреволюционер</i>	2
	<i>Цветок контрреволюции</i>	1
	<i>Крестоносцы</i>	1
	<i>Обломки разбитого революцией буржуазного корабля</i>	1
Убийство	<i>Черносотенские выходки</i>	1
	<i>Махрово-черносотенные убеждения</i>	1
	<i>Социально опасный тип</i>	2
	<i>Зарвавшийся нэпач</i>	1
	<i>Звери</i>	2
	<i>Зверское убийство</i>	9
	<i>Рецидивист</i>	2
	<i>Отрывка буржуазного строя</i>	1
	<i>Предательский удар</i>	1
Должностное преступление	<i>Убийца</i>	4
	<i>Растратчик</i>	2
	<i>Негодяй</i>	1
	<i>Нэпач</i>	1
	<i>Взяточник</i>	5
	<i>Бандит</i>	2
	<i>Язвы аппарата</i>	1
	<i>Вор</i>	2
	<i>Мануфактурные крысы</i>	1

Преступление	Лексика	Частота
Изнасилование	<i>Насильник</i>	3
	<i>Негодяй</i>	2
	<i>Призрак далекого прошлого</i>	1
	<i>Звериный быт</i>	1
	<i>Моральные уроды</i>	1
Бандитизм	<i>Бандиты</i>	6
	<i>Затечные фашисты</i>	1
	<i>Резко уголовный элемент</i>	2
	<i>Стервятники</i>	1
	<i>Шайка</i>	5
Мошенничество	<i>Мошенник</i>	6
	<i>Плут</i>	1
	<i>Аферист</i>	3
	<i>Шарлатан</i>	2
	<i>Самозванцы</i>	2
Хищение	<i>Спекулянты на темноте и невежество</i>	1
	<i>Бывшие люди</i>	2
	<i>Грабители</i>	1
	<i>Враги рабоче-крестьянского класса</i>	2
	<i>Воры народного достояния</i>	4
	<i>Шкурники</i>	2
	<i>Спекулянты</i>	1
	<i>Мародеры</i>	2
	<i>Хищники</i>	3
	<i>Спекулянт</i>	6
Спекуляция	<i>Враг народа</i>	3
	<i>Орава хищников</i>	1
	<i>Богатые собственники</i>	1
Кража	<i>Грабители</i>	3
	<i>Шкурники</i>	2
	<i>Ночные ревизоры</i>	1
Хулиганство	<i>Хулиганы</i>	4
	<i>Вояки</i>	1
	<i>Современные савраски</i>	1
Нанесение телесных повреждений	<i>Негодный элемент</i>	1
	<i>Хулиганы</i>	1
	<i>Колчаковский приспешник</i>	1
Дезертирство	<i>Колчаковец</i>	1
	<i>Злостное дезертирство</i>	3
	<i>Шкурник</i>	1
	<i>Дезертир</i>	1
	<i>Шкурник</i>	4
Трудовое дезертирство	<i>Предатель</i>	2
	<i>Изменник рабоче-крестьянскому делу</i>	1
	<i>Шкурные интересы</i>	1
	<i>Закоренелый саботажник</i>	1
	<i>Бюрократ</i>	1
	<i>Языкоблуд</i>	1
	<i>Разгильдяйство</i>	8
	<i>Дезертир</i>	4
	<i>Урод в трудовой семье</i>	1

Так, контрреволюционеров чаще называли «палачами» — 6 раз, «предателями» — 3, «паразитами» — 3, естественно, «контрреволюционерами» — 2, «подстрекателями» — 2. Для убийств также характерна высокая степень эмоциональности: так, выражение «зверское убийство» встречается 9 раз, «убийца» — 4, «зверь» — 2, «социально опасный тип» — 2 и т.д. Характерным является наличие ярлыков, соответствующих конкретному виду преступления: «бандит», «дезертир», «взяточник», «фальшивомонетчик», «спекулянт». Есть и универсальные слова-определения, употребляемые безотносительно к виду преступления. Наиболее популярным в этом смысле являлось слово «шкурник» — всего 12 раз, а также какой-либо «элемент». Встречаются и весьма витиеватые образные сочетания: «запечный фашист» (бандит), «мануфактурная крыса» (должностные преступления), «обломок разбитого буржуазного корабля» и т.д. Такие выражения носят разовый характер. Любопытным также является факт обозначения причин некоторых преступлений на бытовой почве — изнасилований, избиений жены, детоубийств — как пережитков старого прошлого: «отрыжка буржуазного строя», «призрак далекого прошлого», «безобразная отрыжка подлого прошлого»⁶⁴. Ясно, что в советском обществе таких явлений не может быть. Наряду с этим прослеживается преувеличенное подчеркивание достоинств советского режима: «карающий меч пролетариата», «справедливая рука»⁶⁵ и т. д. Все это говорит об идеологическом подходе в определении как преступников, так и причин многих негативных социальных явлений.

Подведем итоги. Источниковедческий анализ позволяет говорить о достаточной степени актуальности проблем преступности в газете в 1920-е гг. Структура и информационный потенциал источника дают возможность использовать его в качестве самостоятельного при изучении преступности как явления.

Отражение преступности в периодической печати 1920-х гг. напрямую зависело от политической ситуации в стране. В качественном смысле политическую конъюнктуру прессы подтверждает непосредственно содержание изучаемых материалов в разные годы. Советская периодическая печать 1920-х гг. отличалась высокой степенью идеологизированности, что выражалось в классовом подходе при описании преступника, особых лексических характеристиках. Ментальность советского человека формировалась под лозунгами классовой борьбы при помощи разной полярности стилистических средств и эмоциональных оценок, используемых в прессе. Восторженная гиперболизация советского общества в послереволюционные и последующие годы соседствовала с уничтожительным изображением классового врага, антитезой «мы — они».

Хотя газета не отражает (и не может) адекватно реальную картину преступности в 1918–1929 гг., но тем не менее служит ценным источни-

ком. Материалы о преступности этого периода позволяют составить портрет среднестатистического преступника, причем двух типов. С одной стороны, это рабочий, житель города, совершивший кражу, убийство или вооруженное ограбление в нетрезвом состоянии. Ко второй категории относится представитель административного аппарата или служащий, совершивший должностное преступление или хищение, также житель города. Выделим образ типичного «контрреволюционера»: это либо белый офицер, либо служитель религиозного культа, либо, как ни странно, командир Красной армии, который, в отличие от первых двух категорий, будет скорее всего расстрелян.

Картина преступности по материалам газеты в эти годы представляется следующим образом. С одной стороны, наблюдалась жесткая зависимость массовых репрессий от политической и идеологической конъюнктуры...»⁶⁶. Преследовали как за дела, так и за убеждения. Репрессивная политика советского государства часто прикрывалась квалификацией сугубо уголовного характера, хотя ее политическая направленность по сути своей не менялась. С другой стороны, затруднительным представляется выявление какой-либо определенной тенденции роста или снижения преступности. У читателя могло сложиться впечатление, что в целом уголовная преступность имела место на протяжении 1918—1929 гг., однако уровень ее не очень высокий, максимальное количество преступлений приходится на годы НЭПа (на самом же деле в прессе, как и в экономике, было гораздо больше свободы, чем до и после).

Можно также утверждать, что, хотя во многом пресса действительно является мощным орудием пропаганды, своего рода «четвертой властью», в то же время так или иначе она отражает действительность. Через специфику этого отражения прослеживается, что из реальности она выбирает для своих сообщений источник информации, какой отпечаток наложила на это содержание политическая ситуация и какие намерения преследует коммуникатор, представляя те или иные сведения, а не другие; то есть чтобы узнать многое как о самой реальности, так и о средстве массовой информации.

Различные незначительные детали текста, незаметно для читателя повторяемые раз за разом, могут содержать в себе неотъемлемую частицу навязываемого ему мнения. И если в советское время пресса была «монополизирована» коммунистической партией, а следовательно, точка зрения по всем вопросам у граждан СССР была единой, то в современный период множественность как самих СМИ, принадлежность их разным «хозяевам», так и «тотальная» свобода слова, «плюрализм мнений», не всегда представляются положительными.

-
- ¹ См.: Уральский рабочий. 1926. № 262, 14 окт.
- ² См.: Там же. 1921. № 164, 23 июля.
- ³ См.: Там же. № 51, 7 марта.
- ⁴ Кофф С. Как бороться с хулиганством // Там же. 1928 г. № 152, 19 июня.
- ⁵ Борьба с проституцией // Там же. 1927. № 53, 5 марта.
- ⁶ См.: Зимин В. «Жрицы любви» в криминальном аспекте // Милиция. 1991. №7. С. 7.
- ⁷ Данные сведения приводятся в качестве иллюстративных. Анализ соответствующих им публикаций не проводился
- ⁸ См.: История советской политической цензуры: Документы и комментарии. М., 1997. С.8.
- ⁹ См.: Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ История советской политической цензуры... С. 284–285.
- ¹² Там же. С. 248–249.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ См.: Лунеев В.В. Политическая преступность в России: прошлое и настоящее // ОНС. 1999. № 5. С. 68.
- ¹⁵ Там же. С. 70.
- ¹⁶ Кириллов В.М. История репрессий в нижнетагильском регионе Урала, 1920 – 1980-е гг. Н. Тагил, 1996. С. 56.
- ¹⁷ ВЧК–ГПУ: Документы и материалы. М., 1995. С. 6.
- ¹⁸ См.: Там же.
- ¹⁹ Контрреволюционеры не спят // Уральский рабочий. 1918. № 12, 16 мая.
- ²⁰ Расстрел 53 врагов революции // Там же. 1925. № 133, 12 мая.
- ²¹ См.: Кириллов В.М. Указ. соч. С. 57.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ См.: Давыдов А.Ю. Указ. соч. С. 50.
- ²⁶ Там же. С. 52.
- ²⁷ Поплатился за эксплуатацию подростков // Уральский рабочий. 1925. № 180, 5 августа.
- ²⁸ Давыдов А.Ю. Указ. соч. С. 48.
- ²⁹ См.: История России: Социально-экономические и внутривполитические аспекты. Екатеринбург, 1992. С. 56.
- ³⁰ Лебина Н.Б. Теневые стороны жизни советского города 20–30-х гг. // Вопр. истории. 1994. № 1. С. 40.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же.
- ³³ Там же. С. 41.
- ³⁴ См.: об этом: Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 30.
- ³⁵ Лебина Н.Б. Указ. соч. С. 31.

- ³⁶ См.: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 18. Л. 170.
- ³⁷ См.: *Рюмина Н.* Взятка // Уральский рабочий. 1926. № 139, 20 июня.
- ³⁸ *Иванов С.В.* Бывшие люди // Уральский рабочий. 1925. № 132, 13 июня.
- ³⁹ См.: *Лунеев В.В.* Политическая преступность... С. 67.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ ВЧК–ГПУ... С. 12.
- ⁴² *Измозик В.В.* Политический контроль в Советской России 1918–1928 гг. // Вопросы истории. 1997. № 7. С.37.
- ⁴³ См.: *Лебина Н.Б.* Указ. соч. С. 32.
- ⁴⁴ См.: История Урала: XX век. Екатеринбург, 1996. С. 56.
- ⁴⁵ См.: *Верт Н.* История Советского государства, 1900–1991 гг. М., 1992. С. 164.
- ⁴⁶ См.: История Урала... С. 57.
- ⁴⁷ За аборт – 3 года исправдом // Уральский рабочий. 1925. № 158, 17 июля.
- ⁴⁸ См.: История репрессий на Урале в годы советской власти: Тезисы науч. конф. Екатеринбург, 1994. С. 7–8.
- ⁴⁹ См.: Задержите похитителя народных денег // Уральский рабочий. 1918. № 88, 12 мая.
- ⁵⁰ См.: *Румянцева Т.Г.* Модели влияния алкоголя на поведение // Вопросы психологии. 1990. № 3. С. 161.
- ⁵¹ ВЧК–ГПУ... С. 12
- ⁵² Случаи полного оправдания представляются обособленными, в связи с чем они не учитывались в табл. 7.
- ⁵³ ВЧК–ГПУ... С. 14.
- ⁵⁴ См.: *Кириллов В.М.* Указ. соч. С. 59–60.
- ⁵⁵ *Лебина Н.Б.* Указ. соч. С. 33.
- ⁵⁶ См.: Социология журналистики: Очерки методологии и практики. М., 1998. С. 230.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Уральский рабочий. 1922. № 162, 21 июля.
- ⁶⁰ Там же. 1921. № 283, 10 декабря.
- ⁶¹ Там же. 1925. № 76, 9 апреля.
- ⁶² Там же. № 24, 30 января.
- ⁶³ Там же. 1920. № 115, 21 мая.
- ⁶⁴ Нравственные уроды // Там же. 1926. № 165, 24 июля.
- ⁶⁵ Расстрел предателя // Там же. 1920. № 86, 13 апреля.
- ⁶⁶ *Лунеев В.В.* Политическая преступность... С. 34.